

Пассивность, как и всегда почти, сочетается у представителей русскаго народа съ вѣрой во что-то болѣе важное, чѣмъ активный человѣческой умъ. И здѣсь уже самъ Толстой присоединяется къ Каратаеву и Кутузову, когда говоритъ: „русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобы можно было знать что-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, тверже всѣхъ и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину-науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина“¹⁾.

Вотъ какова художественно-этическая сторона эпопеи „Война и Миръ“.

Въ ней теоретическое положеніе о ничтожности и связанности роли великой личности самыми неразрывными узами, самыми тонкими, неувидимыми интимными нитями соединяется съ вѣрой въ Провидѣніе, съ убѣжденностью въ силу пассивности, съ увѣренностью въ бесполезности права, въ ничтожество науки съ отрицаніемъ общественной дѣятельности, съ издѣвательствомъ надъ „bien publique“ и надъ всякими великими лозунгами активнаго человѣчества.

Вотъ эти-то воззрѣнія, которыя могли казаться столь опасными наканунѣ безвременья 80-хъ годовъ и продиктовали Шелгунову его анагему „Войнѣ и Миру“. „Если бы къ слабой опытной мудрости гр. Толстого придать силу таланта Шекспира или даже Байрона, то, конечно, на землѣ не нашлось бы такого сильнаго проклятія, которое слѣдовало бы на него обрушить“²⁾.

Шелгуновъ утѣшался тѣмъ, что „еще счастье, что гр. Толстой не обладаетъ лучшимъ талантомъ, что онъ живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ“²⁾. Для насъ нѣтъ такого утѣшенія, но не потому, что Толстой для насъ больше, чѣмъ „военный пейзажистъ“: — намъ нечего бояться, что его „отсталые“ взгляды могли бы быть использованы консерваторами или даже мракобѣсами, и тѣ и другіе давно уже привыкли дѣйствовать независимо отъ литературныхъ авторитетовъ. Для насъ взгляды „Войны и Мира“ громадный фактъ для творчества Толстого, свидѣтельствующій о томъ, что уже на исходѣ шестидесятыхъ годовъ Толстой переживалъ какъ бы состояніе мистическаго нигилизма. А это міросозерцаніе, выросшее на почвѣ психологіи стараго барина, оставшагося чуждымъ движенію 60-хъ годовъ, должно было у такого генія, какъ Толстой, выро-

¹⁾ „В. и М.“. Т. III, стр. 60. Куревъ мой.

²⁾ Н. Шелгуновъ. Собр. соч. Т. II, стр. 400. О. Н. Поповъ.